

ВИКТОР
КОРОТАЕВ

ПРЕКРАСНО
ОДНАЖДЫ
В РОССИИ
РОДИТЬСЯ

СТИХИ

к 1967725

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АРХАНГЕЛЬСК, 1982

Поэты Севера ★ Книжная полка подростка

ОТ РЕДАКЦИИ

Вот и шестой сборник встает на книжную полку подростка, как патрон в обойму. Юный читатель уже познакомился с творчеством северных поэтов — Николая Рубцова, Анатолия Лёвшкина, Ольги Фокиной, Александра Романова, Василия Ледкова. В новой книжке серии он встретится с поэтическими произведениями вологодского поэта Виктора Коротаева.

Беседа шестая

По-разному завоевывают читательские сердца. Иные авторы, чтоб обратить на себя внимание, балансируют на острие словотворчества, поражая аудиторию «новациями». Что ж, не будем с ними спорить.

Но сейчас перед вами поэт, который идет по родной земле как хозяин, идет неторопливой уверенной походкой. И в поступи его скрыто столько силы и красоты, столько земной радости, что невольно останавливают на нем глаз свой свидетели этого неукротимого шествия по травам и росам, по тропам и трактам родимой стороны.

Виктор Коротаев, где бы он ни был: в деревенской ли избе, где «из трубы валит дымок», в городской ли суматохе, где «жмут на газ горлохваты», па берегу ли реки, которая «работает, как лошадь», в солдатском ли строю, где «тяжек груз шинели серой», — всюду он ощущает остро, с непреходящей свежестью свою принадлежность к России, вновь и вновь переживая священную нерасторжимость с нею.

Торжественность чувства любви к Отчизне, к милому северному краю, не мешает в стихах Коротаева жаркому юмору, полыхающему озорством и лукавством. И это еще раз убеждает в искренности каждой строки, написанной поэтом. Так может думать и говорить только человек, свободный от ложных условностей.

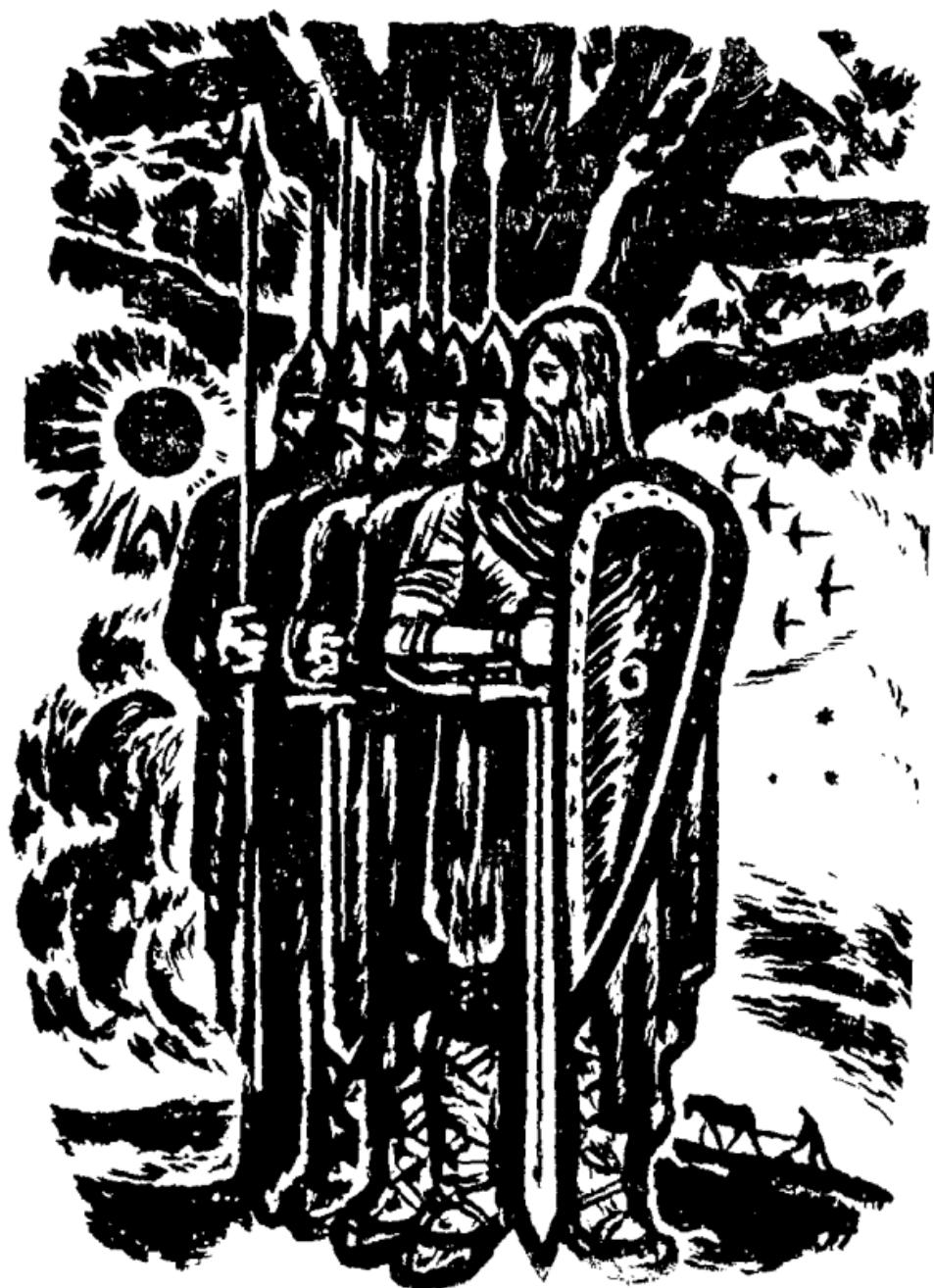
Ощущение нужности родительской земле, чувство найденного места под солнцем, горячая верность всему тому, что дорого с детства, наполняют стихи Виктора Коротаева. Этими чертами наделен лирический герой книги, которую вы бе-

рете в руки; проникновенны его, как заповедь, слова:

Прекрасно однажды в России родиться
Под утренний звон золотого овса!
Твое появление приветствуют птицы,
Сверкают, на солнце искрясь, небеса.
Нока, озабочены снами твоими,
Ромашки гадают о новой судьбе
И ветром достойное ищется имя —
Кукушка пророчит бессмертье тебе.
Еще и усы не подкручивал колос —
Уже для тебя начались чудеса:
Тебе ручеек предлагает свой голос,
А лен зацветающий дарит глаза...

Ненссякаемый оптимизм. Это и есть высшая романтика, что так люба молодым. Что ж, автор этой книжки дарит вам ее:

...Бери, примеряй, запасайся, владей.
А плата... какая?
Расти благодарным
Да будь всюду верным
Природе своей.

РУСЬ

Я в прошлое гляжу нередко,
Стремясь вернее угадать
Тех бородатых наших предков,
Что жили в давние года.

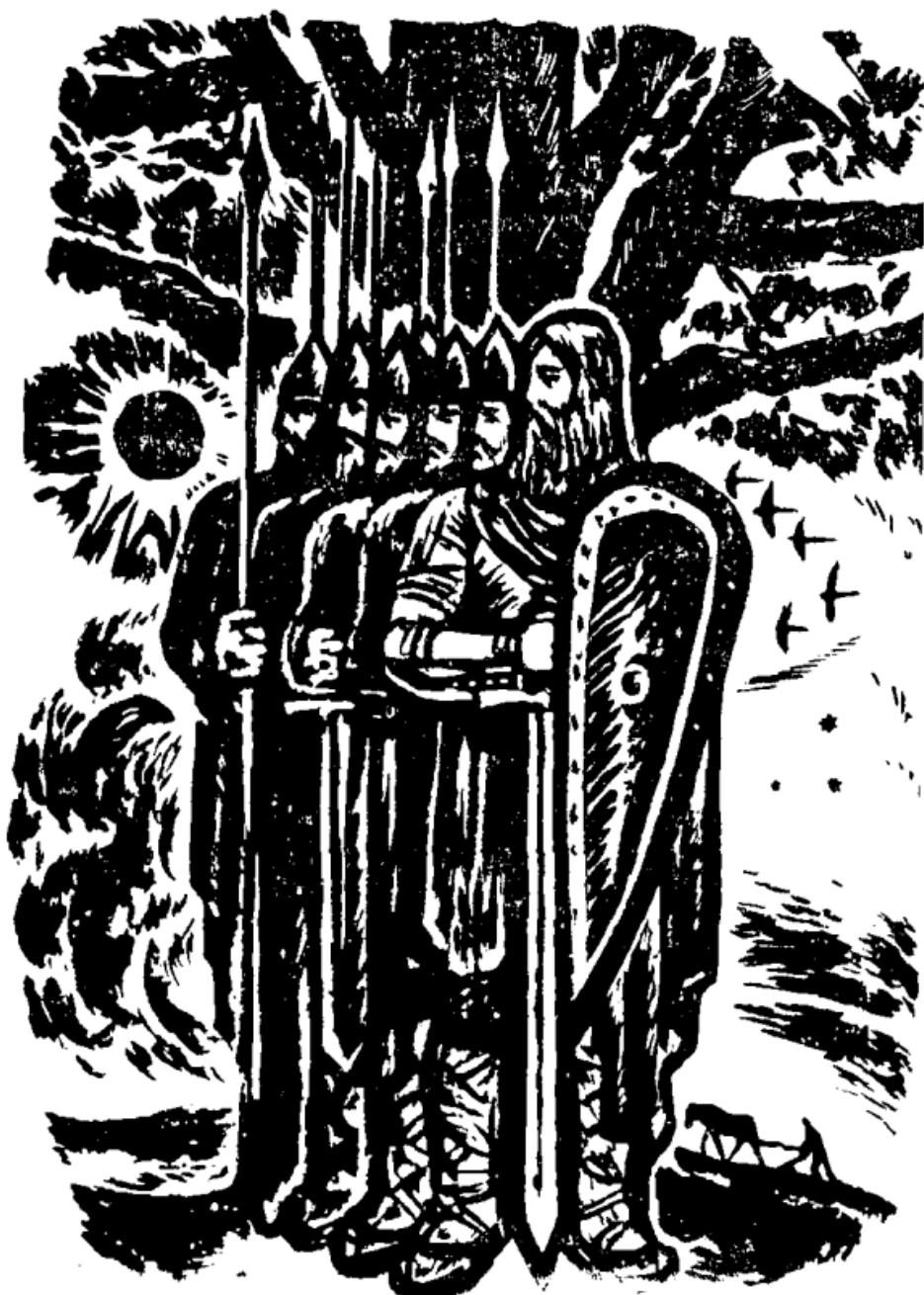
Работой выпитые лица,
Глубокий и тяжелый взгляд,
И злые острые ключицы
Из-под худых рубах
Торчат.

«Эх, доля наша...
Чтоб те сгинуть!» —

А в голосе такая грусть!
Они плюют и горбят спину,
Ругая нищенскую Русь.
Но стоит только им прослышать,
Что вдруг с какой-то стороны
Сосед

с несметным войском вышел,
Поганя земли их страны,
Они, свои отринув беды,
Опять берут доспехов груз —
И бьют татар,
И рубят шведов
За эту самую же Русь.
Им наша Русь
Из дальней дали
Светила светом молодым.
И коль они

за ту
стояли,
То мы
за эту
постоим!

РУСЬ

Я в прошлое гляжу нередко,
Стремясь вернее угадать
Тех бородатых наших предков,
Что жили в давние года.
Работой выпитые лица,
Глубокий и тяжелый взгляд,
И злые острые ключицы
Из-под худых рубах
Торчат.

«Эх, доля наша...
Чтоб те сгинуть!» —
А в голосе такая грусть!
Они плюют и горбят спину,
Ругая нищенскую Русь.
Но стоит только им прослышать,
Что вдруг с какой-то стороны
Сосед

с несметным войском вышел,
Поганя земли их страны,
Они, свои отринув беды,
Опять берут доспехов груз —
И бьют татар,
И рубят шведов
За эту самую же Русь.
Им наша Русь
Из дальней дали
Светила светом молодым.
И коль они

за ту
стояли,

То мы

за эту
постоим!

* * *

Какая даль лежала предо мной...
Я, чувствуя причастность к ней и гордость,
Смотрел в нее и знал,
 что за спиной
Не менее прекрасная простерлась.
Светило солнце светом поздних сил,
Леса роняли медленно убранство,
И белый храм, как облако, парил
И озарял дремавшее пространство.
«Россия, как легко с тобой вдвоем» —
Шептал я и взывал к кому-то: «Братцы,
Пока мы эту землю не поймем,
Нам до конца в себе не разобраться».
Последних журавлей печальный клич
Катился в светозарную безбрежность...
(А мы не можем до сих пор постичь,
Откуда в нас такая боль и нежность).
Река горела сдержаным огнем,
Над нею глыба каменная стыла...
(А мы себе вопросы задаем,
Откуда наше мужество и сила).
На горизонте выселись бугры,
И дальше заслонялось диском солнца
То, что пока в нас дремлет до поры,
Но все равно когда-то
Отзовется...

ЖРЕБИИ

Живу в этом мире. Живу.
О, как мне непросто живется.
Глядят сквозь меня в синеву
Развернутой пастью колодцы.
Растут сквозь меня не спеша
В суставах окрепшие травы,
С целительным соком смешав
Снедающий пламень отравы.
И каждая боль их, остра,
Пройдя по моим волоконцам,
Как хрясский удар топора,
Под пятый ребром отдается.
Я в почву, как дерево, врос.
И, словно подавшись из кочек,
Земная скрипучая ось
Прошла через мой позвоночник.
К Венере уйдут корабли
От русского смеха и грусти,
И только меня от Земли
Земля никуда не отпустит.

Затосковал по малой родине,
По белостольному простору,
По перекатистой поскотине
И переливчатому бору.
Дождаться вёдра бы, подумавши...
Да опостылели в столице
Самоуверенные юноши,
Самовлюбленные девицы.
Пускай утешится заранее
И заиграет сердце снова,
Услышав в зале ожидания
Знакомый окающий говор,
Где мужики и бабы русские
Сидят себе на лавках, бают,
Как будто по проходу узкому
Друг дружке обручи катают.
Поприглядусь, подсяду рядышком,
Давая волю нетерпению:
«Куда направилась-то, баушка?» —
«Да ведь куда... К себе в деревню». —
«А где стоит твоя деревня-то?» —
«Да не особенно далёко...
Деревня наша недалёко —
У вашей, батюшко, под боком».
Узнала, старая, узнала!
«Ну, что ж, кажи, чего набрала». —
«Да набрала добра немало,
Да все дорогой растеряла.
Зато полегче бегать стало.
Теперь лети домой со свистом...»
От вологодского вокзала
Я провожу ее на пристань.

Покрыв причал со всей шумихою,
Гудок растает в зябкой шире,
И берега расскажут тихие,
Чем без меня цвели и жили.

Моя земля — и стать, и силушка,
Любовь моя, тоска и зависть,
Я припаду к твоей осинушке
И навсегда уже признаюсь,
Что только здесь,
Где даль растворена,
Дано почувствовать душою,
Как эта маленькая родина
Соединяется с большою...

* * *

Тихий вечер, медленный закат,
Мягко шелестящий листопад.

Дремлющие в сумраке поля...
Старенькая родина моя.

Чисто-чисто вымыто в дому.
Только не сидится в терему.

И, пока горит в полнеба медь, —
Так и тянет сняться
И взлететь.

Потому что, кажется, пришла
Силушка в широкие крыла.

Так и тянут —
В небе облака,
Под горой —
Протяжная река.

Черный лес в подсвеченной дали
И над ним — цепочкой — журавли.

В ноздри бьет последний хмель травы,
Но не жаль горячей головы.

Друг пропал
За эту благодать,
Да и мне, видать, —
Не миновать.

Потому что, кажется, созрел
Для большой любви
И добрых дел.

РОДНОЕ

За годы я кругов наделал...
В судьбе, скитальческой досель,
Каких не видано пределов,
Каких не встречено земель!

Сады, открывшиеся глазу,
Дворцы и замки на воде...
Теперь и вспомнишь-то не сразу,
Когда увидел,
С кем
И где.

Чужие горы или дали,
Не раз похваленные вслух,
Самой души не задевали,
Хоть и захватывали дух.

А вот — изба.
Вот — кадка в сенцах.
Да луг.
Да лошадь у пруда.
А все вошло однажды в сердце
И в нем осталось
Навсегда.

РОССИЯ

Ты в белых реактивных дымах
И громе ковки и литья
На всех — одна,
Для всех — едина.
И все ж у каждого —
Своя.

Я с малых лет тебя запомнил,
Когда в мой сон под пенье стрел
Влетали бешеные кони,
Клубы пуская из ноздрей.
И ты
С замуравевшей пашни,
Шелом надвинув на виски,
Глазами Муромца
Бесстрашно
Смотрела вдаль из-под руки.
Потом из песен бабки древней
Под чистый звон лесных ключей
Являлась ты ко мне
Царевной
С голубкой белой на плече.
Да и сейчас еще, Россия,
Ты снишься мне царевной той:
Не выцветает взор твой синий,
Не меркнет волос золотой.
Лишь в строгих линиях портрета
Я различаю все ясней
То гордый нрав
родного деда,
То нежность
матери моей.

И чаще в памяти бессонной
Встает при имени твоем
Крестьянка,
 что рассвет студеный
На коромысле вносит в дом.
Застыли лунным светом в прядке
Годины горя и потерь:
Хватало раньше слез солдатке,
Не занимать их и теперь.
И понимая бабью участь,
Тревожась о ее судьбе,
Я думаю, гордясь и мучась,
Всегда, Россия, о тебе.
Восторг мальчишеский не гаснет,
Хотя некошеным лужком
Ты ходишь
 не в сапожках красных,
А чаще
 просто босиком.
И пусть давно былинный ратник
Умчал за тридевять морей.
Теперь ты ближе и понятней
И потому
Еще родней.

967725

* * *

Спасибо, Родина, за эту
Растворенную синеву,
Ветлу,
Повернутую к свету,
Под нею —
Свежую траву.

За смех у старого колодца
И шум у нового крыльца,
За нерастроченное солнце
И уцелевшего скворца.

Спасибо, матушка родная,
Спасибо, твердь моя и честь,
За то, что ты всегда такая,
Какая только ты и есть;

За непохожесть и пригожесть,
За светлый лик,
Прямую стать
И за счастливую возможность
С тобою вместе
Пребывать.

* * *

С Отчизной, с милою землей,
Мне никогда не рассчитаться
За радость быть самим собой,
За счастье плакать и смеяться.
За то, что утром
Для меня
И тяжело,
И краснокрыло
В косматых сполохах огня
Восходит древнее Ярило.
А в полдень, — светлая пока, —
Чтоб стало душеньке полегче,
Освобожденная река
Мои окатывает плечи.
Не рассчитаться мне за то,
Что в теплом сумраке вечернем
Глубоким светом .
Залито
Мое случайное кочевье;
За землю, нашу испокон,
За откликающийся воздух,
За молодой и сильный сон,
Весь в голубых
И крупных звездах;
За шум осоки у пруда,
За шелест утреннего сада...
Не рассчитаться никогда.
Хотя рассчитываться —
Надо...

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

На кручах, в парках, у вокзалов...
Железом, кровью и золой
Судьбина
Намертво связала
Солдат с родимою землей.

Они ей жизнь завоевали —
Она покой сынов хранит.
Тогда они
на ней
стояли.

Теперь она
на них
стоит!

* * *

Я опасался слов высоких,
Не мысля с ними вровень встать,
Покуда в северные сопки
Меня не проводила мать.

Эпоха, Родина, Держава...
Как будто

за неложный пыл

Я исключительное право
На их аренду получил.
Я берегу их жизнь ночами.
И стало ближе оттого
Уже не просто их звучанье,
Но и живое существо.
И жестким временем испытан,
Как время нежен и суров,
Смотрю в глаза ему открыто —
И не боюсь
Высоких слов.

КУРС МОЛОДОГО БОИЦА

Мы друг на друга поглядели —
И молча вверились судьбе,
Хоть длиннополье шинели
Пришлись немногим по губе.
А бляхи...
Этакие слитки,
Что, коль старанье приложить,
То можно с первой же попытки
Любого хряка порешить.
Мы шли, равняясь по передним.
На сотне стриженых голов
Пилотки кисли, точно гребни
У недобитых петухов.
И каждый почтит за благо,
Что он, не преуспев ни в чем,
Почетным именем

«салага»

Великодушно наречен.
И ротный к службе наше рвенье
Не раз доверьем отмечал
И слал нас драить заведенье,
Что чаще драят
По ночам.
Неразумеющим на смотре
Тянуть носок, чтоб грудь вперед,
Он присягал при целой роте,
Что через пятки
Ум вобьет.
Вбивал.
До самой до макушки.
И гонор наш лечил, и грусть.

И хоть устав совсем не Пушкин,
А тоже знали наизусть.
...Теперь легко, припав к матрацу
И слово пробуя на вкус,
Над курсом этим потешаться,
Когда он кончен,
Этот курс.

СОЛДАТСКАЯ ШУТКА

Нам с тобой совсем немножко
Дослужить до дому:
Только тыщу раз в сапожки
Впрыгнуть по подъему.
По земле своей хорошей
У себя в Союзе
С пол-экватора — не больше —
Проползти на пузе.
До гулянок и тальянок
Дослужить нам малость:
Лишь пятнадцать пар портянок
Истолочь осталось.
Тридцать три хрустящих трешки
Отоварить надо
Да вагона три картошки
Оскоблить в нарядах.
Ну и средь иных и прочих
Редких удовольствий
Стрескать жареной тресочки
Метров девяносто.
А в конце всего за чаем,
Разгоняя скуку,
Обсудить:
А не начать ли
По второму кругу?

* * *

Мы моем пол и помним о порядке.
Мы помним здесь о нем как никогда.
Дежурный нам вручил тазы и тряпки —
Новейшие орудия труда.
Ни разъяснений и ни оговорок.
У моющих полы

в такие дни

Открыты ворота у гимнастерок
И скатаны

пружинами

ремни.

Давно ручей струится меж лопаток,
И, как в пустыне, высохло во рту.
А вычесть бы:

какой у нас десяток

Квадратных километров
На счету.

До дыр истертый,

пол уже лоснится.

Но вот сержант — стараньем знаменит —
Черкает каблуком по половице
И предлагает воду
Заменить.

Мы набираем светлой и лучистой
И снова с тряпкой лезем под кровать.
...Я, может, здесь

впервые научился

Перед порогом

ноги вытираять.

За тяжкий груз шинели серой
И складки ранние у рта
Мне выдавалась полной мерой
Российских женщин доброта.
Что самолюбьем перегретым
Непослуживший не поймет —
Солдат оценит как приметы
Почти родительских забот.
То бабка в ковш —

случайно будто —

Плеснет побольше молока,
То взять в автобусе кондуктор
Не пожелает пятака.
И в женщинах

с ее повадкой
И пониманием ее
Узнаешь бывшую солдатку,
Что мает вдовое житье.
Иль в добром жесте бескорыстном
Увидишь любящую мать,
Что с треугольным штампом письма
Недавно стала получать.
По-бабьи пусть они одарят
Порой смешком со стороны:
Мол, что — солдат?
Обычный парень.
Вот только брюки не модны.
Но знают:
Если утром серым
Парней потребуют к ружью,

Ему под пулю надо
Первым
Подставить голову свою.
...О мама, если к нам случайно
Зайдет солдатик, то — прошу —
Ты напои трудягу чаем
И расскажи, где я служу.

* * *

Нынче снова дождь хлестал по окнам,
И опять, тоскою обуян,
Всю-то ночь ворочался под боком,
Маясь, Ледовитый океан.
Видно, и ему, своим туманом
Простужающему города,
Сквозняки осенних расставаний
Тоже не проходят без следа.
Потому мне так понятны нынче,
Как ты их умело ни тай,
Милые, застенчиво-девичьи,
Страхи немудреные твои.
Да и я в прощальное свиданье
Отшутился на твою слезу:
«Самых синих северных сияний
Я тебе на платье привезу».
Добрая, прости мне эти муки,
Не суди за нынешний уход.
Снегом затянувшейся разлуки
Трижды георгины занесет.
И пойми, что к сопкам нелюдимым
Не от глаз твоих я убежал:
Просто до тебя, моей любимой,
Я себя России обещал.

* * *

Средина жизни. Середина дня.
Средина между счастьем и везеньем.
И море, укрепившее меня,
Назвали предки тоже — Средиземным.
Вот налетел опять соленый шквал,
И волны прут лавина на лавину...
Но я ведь никогда не выбирал
Для жизни золотую середину.
Не выхожу и нынче из игры,
Хотя грохочет высь
И стонут недра,
И предо мною —

тыщи полторы,

И подо мной —

четыре километра.

Когда лежит вповалку пассажир,
Обязан быть —

хотя б один! —

тверёзый,

Который смотрит
В этот шаткий мир
Без робости,
Отчаянья
Иль позы.
Хотя бы для того,
Чтоб в зыбкой мгле
Знал капитан,
Уставший от печали,
Что на его нетвердом корабле
Не все сдались
И веру потеряли.

* * *

Как бы собравшись вдруг в иные страны —
В привольное гражданское житье
С получки покупают чемоданы
Ребята, отслужившие свое.
Ни прудик, зеленеющий от тины,
Ни с тайными лазейками плетень
И под железным оком дисциплины
Они не забывали ни на день.
И поняли, томясь в глухих болотах,
За месяцы недоспанных ночей,
Что служба —

это, собственно, работа,
Но впятеро обычной тяжелей.
В краю, где хвоя, кажется, поблекла,
Где с осени до первого грача
Морозом оцинкованные окна
В казарму не впускают ни луча,
Теперь парням деревни снятся раем,
Где в славе процветают млад и стар
И перед встречей скорой проверяет
Голосовые связки самовар...
Ни в чем, ни в чем защитников народа
Не упрекнет родная сторона:
Три самых честных, самых светлых год々
Они Отчизне отдали сполна...

* * *

Памяти Сергея Орлова

Больше не участвую в парадах.
Хоть любуюсь,
Как — всегда крепки —
В новых портупеях и наградах
Маршируют сводные полки.
Как они идут молодцевато!
От погон и блях
В глазах рябит.
Щеголи!
Корнеты!
Не ребята...
Так и выбирали
Не для битв.
В аккурат подогнаны мундиры,
Лаковые блещут козырьки.
Благодарно смотрят командиры,
Млеют:
«Ну, уважили, сынки!»
И сынки стараются как могут:
Кверху подбородок,
Грудь вперед.
От сапог надраенных, ей-богу,
Слепнет ошарашенный народ.
Тут и стать, и выпрявка
Природны.
...Только я ничем не виноват,
Если мне роднее Ванька-взводный,
Самый будний
Труженик,
Солдат.

Неказист,
Несложен,
Неухожен,
Неширок в плечах
И невысок.
Грудь свою
Выпячивать не может,
Тянет не на уровне
Носок.
И хотя, со всеми маршируя,
Он глядит старательно вперед —
Не его
Отметят поцелуем,
И не он
Эффект произведет.
Нет, таких в реляциях не славят,
И, творя мужской окольный суд,
В голову колонны
Не поставят,
В запевалы
Не произведут.
Но когда внезапная тревога
Всех возьмет
Враскрут и в оборот —
На него взирают,
Как на бога:
Ванька-взводный,
Он не подведет.
Неспроста примечена в народе
И его сноровистость,
И прыть:
Он горазд на все,
На все пригоден —
Что окопы рыть,
Что танки бить.
Сутками ломить на батарее,

Вскакивать по выкрику:
«В ружье!»
Лишь перед парадами
Робеет...
Что поделать —
Каждому свое.
...Я и сам природою не создан
Для высоких праздников.
И — рад.
Любы мне
В рассветной дымке звезды,
Но земля
Милее во сто крат.
И пускай одним
Вольней на небе,
А другим
На море — благодать...

Нам определен
Особый жребий:
Хлеб растить
И землю охранять.

* * *

Счастлив я в своем добре и худе,
Потому что — с маковкой Кремля —
У меня была и есть, и будет
Издавна родимая земля.
Вот она, моя березка детства,
Вот мои луга, река и лес...
Век смотри — и все не наглядеться,
Век живи — и все не надоест.
Прославляя дедовские дали,
Не совру, свою жалея честь,
Будто ни тревог и ни печали
Отродясь не видывал я здесь.
Но придет нужда родному краю
Собирать сынов в стальнную рать —
Я, по крайней мере, знал и знаю,
За какую землю умирать.

Было чувство тревожным и сильным,
А желанье — большим и прямым:
Так хотелось прославить Россию
Небывалым открытьем своим!
Но тянулись унылые будни,
Распирала нас тайная злость:
Махинаторы были
И блудни,
Открывателей
Не завелось.
И привычной дорогой отцовской
Уходили мы в цех и в забой,
И гордились рабочей спецовкой
Как единствено верной судьбой.
И читали впервые, не веря,
Что буржуйской мошне на поклон
Хитровато-валютные звери
Ускользали от нас за кордон.
И завзятым врагам на потребу
За деньгу
Поносили взахлеб
И Отечества бывшего небо,
И вскормивший их некогда хлеб.
Нам такая судьба не годилась:
Дети кровные отчей земли,
Никакую фальшивость и гнилость
Мы с рожденья
Прерпеть не могли.
И поныне,
Онноды не спесивы,

В назначение верим свое:
Пусть не сделались
Славой России —
Мы не стали
Позором ее...

ГОНКА

Лихачи
Современные парни.
Стала треком
Родная земля...
Ваша кровь
Моментально вскипает
И шалеет
При виде руля.
Вы несетесь
По ранним росинкам,
По корням
и остаткам дождя,
На своих дорогих керосинках
Неуклюже
И цепко сидя.
Ревом труб
Заглушаются фразы.
Перекошен старанием рот.
Выхлопные синюшные газы —
Дорожающий ваш «кислород».
Краски смазаны.
Линии смяты.
Воды словно бы движутся вспять.
Так вы жмёте на газ,
Горлохваты,
Словно счастье решили догнать.
Все мне кажется...
Иль в самом деле:
В дни,
Клейменые адским огнем,
За рулем родились вы,

Созрели,
И состаритесь вы
За рулем.
Только небо не станет лазурней,
И не станет спокойней в груди.
То, за чем вы гоняетесь,
Дурни,
Безвозвратно...
давно...
позади...

РЕБЯТА ПРИХОДЯТ С РАБОТЫ

Ребята приходят с работы,
Легко на душе у ребят.
О завтрашней плавке
Охотно
Они меж собой говорят.
Потом
Родниковой струею
Смывая усталость и пот,
Своих некрикливых героев
Приветствует водопровод.
Прохладную влагу
Радушно
Он сыплет в ладони ребят.
Ему

для таких простодушных
Ни капли не жалко себя.
На фырканье парни не скучны...
А мать расставляет на стол
Тарелки горячего супа
С душистым лавровым листом.
И все же горяч он некстати:
Ведь, их поджидала давно,
В цветастых фасонистых платьях
Девчонки стоят у кино.
Они до гулянья охочи,
А значит, парням как всегда
Домой приходить поздней ночью
И — через окно попадать.
Наощупь
Усталым движеньем
Небрежно раскинуть постель —

И рухнуть
с улыбкой блаженной
В бездонного сна карусель.
И жадно проспать до рассвета,
До завтрашней смены опять.
Бездельникам
Радостей этих
Во веки веков не узнать.

МАЛЬЧИШКИ ИЗ ДАЛЕКИХ ДЕРЕВЕНЬ

Приеду на попутном драндулете
По старой моде
в кепке набекрень.

в кепке набекрень.

Ну как вам поживаетесь на свете,

Мальчишки из далеких деревень?
Все так ли вы?

Все так ли вы

по травушкам России

Вперегонки попробовать непрочь,

До заморозков носитесь босыми,

Чтоб попусту обутку не толочь?

Смакуете под взглядами домашних

От апельсина городского треть

И присланные братьями руба

Подолгу не решаетесь надеть?

Пускай я вам далёко не ро-

Но вы меня стыдиться не должны:

И у меня

на самом видном месте

Некстати протираются штаны.

Я словночу ваших рук усталость,

Уже пропахших горечью коры,

Которым преждевременно достались

Забытые братками топоры.

Мы нашу встречу шуткой обогреем,

Мы вдоволь нашатаемся в лесу.

Я привезу вам

новых батареек

И лампочек вам тоже

Привезу.

Расспросите меня вы о столице,

А для себя задумаете впредь
На поезде
хоть разик прокатиться
И на дома большие поглядеть.
И я пойму
с постыдным запозданьем,
Что, набираясь разума и сил,
Я исполненье собственных желаний
Терпеньем вашим
щедро оплатил.
Я в город нынче выберусь пораньше,
Едва ли и недельку протяну,
Острее
от незлобивости вашей
Осознавая давнюю вину.
А дома встречу ваших одногодков,
Завидующих больше, что ни день,
Грибам,
И лесу,
И косовороткам
Мальчишек
из далеких деревень.

ПРИЕЗЖИЕ

Пόпили сперва чайку с вареньем,
Поглотали ранней синевы,
Подышали воздухом деревни —
Воздухом навоза и травы.

Поглядели в солнечные дали,
Поплевали с берега в ручей,
За день двои грабли поломали,
Поносили косу на плече.

Похлебали в праздник самогону,
Подразнили местных забияк,
У старухи древнюю икону
Выморщили все же за трояк.

Помахали вслед каким-то птицам,
Овощью набили кошели
И умчались хвастать сослуживцам,
Как шикарно отпуск провели...

В ПОДШЕФНОМ КОЛХОЗЕ

В недальнем подшефном колхозе,
С усталости злы и грубы,
Мы колья на изгородь возим
И намертво ставим столбы.
Мы землю лопатами роем
И слышим, как бьются сердца.
Нам кажется даже порою,
Что делу не будет конца.
Но вот председатель в фуфайке
Мольбой пронимает нутро:
«Мол, только, братки, докопайте —
Навеки запомню добро».
Он смотрит с мучительной болью
И комкает кепку в руках:
«Скотине уж скоро на волю,
А тут не у шубы рукав...»
И мы,
понимающие глядя,
Не чешем зазря языки:
«Ну, ладно...
Ты только нам, дядя,
Ведерко водички подкинь».
И снова,
Не вытерев губы,
Откинув сырье чубы,
Мы землю лопатами рубим
И намертво ставим столбы.
К обеду закончив работу
И сунувшись в свежую тень,
Следим мы за птичьим полетом
И сами парим в высоте.

И радость вливается в тело.
С того ли, что солнце не жжет,
С того ли, что доброе дело
Без радости,
Нет.
Не живет.

* * *

Музыка льется с небес
В светлые горницы полдня.
От удивления лес
Ушки топориком поднял.
Не оборвется игла
Неосмотрительно с елки,
Даже листва замерла
И колокольчики смолкли.
Выйдя из хвойных глубин,
Высшей покорные силе,
Все ручейки как один
Вдруг язычки прикусили.
Музыка льется смелей
В ясные горницы мая,
Видно по ликам детей:
Вправду, она не земная.
И потому допоздна,
В такт головою кивая,
Только сама тишина
Тоненько ей подпевает.

* * *

Лишь петухи стряхнули сон да,
Спросонок встрепаны слегка,
С зеленою ветки горизонта
Едва вспорхнули облака —
И сразу стронулось, вздохнуло,
Зевнуло сладко и тепло,
Прошелестело, промелькнуло,
Поосмелело — и пошло!
Июль сверкнул глазком лукавым
И потянулся, как дитя,
И расчесал хлеба и травы
Наклонным гребешком дождя.
Потом опять как бы сморился,
Притих, залез в свою дыру,
Но, что-то вспомнив, оживился,
Себя прихлопнул по бедру,
Взъерошил старую солому,
Перемахнул через забор
И ранним лучиком из дома
Ребенка выманил во двор.
Промел крылечко и дорожку,
Угнал подальше сennый пук
И воробьев полно лукошко,
Играя, высыпал на луг.
А мальчик жмурился от света
И все глядел на сеновал,
И, для кого старалось лето,
Никак со сна не понимал.

* * *

Вот и снова я в родной стихии,
Где мычат коровы со двора
И с поленниц

петухи лихие

Зычно надрываются с утра.
Снова под дождем, чисты, божественны
Где-то там,

за тысячной верстой,

Гордо мокнут мраморные женщины
Посреди обстриженных кустов.

И под тонкой яблоневой сенью
В стороне степей и синих гор
Падают на выжженную землю
Ядра

Раскаленных помидор.

А меня здесь угождает бабка,
Называет бережно сынком.

Подо мною —

струганая лавка,

На скатерке —

каша с молоком.

Да и сам я весь какой-то новый,

На душе свежо и высоко.

Словно после дождичка грибного
Побродил по травке босиком.

Мужики на стульях, как на тронах.

Все басят про рожь и поросят.

Их полусуконные короны

По стене

на гвоздиках висят.

Надо полагать,
 что мы до чарки
В баньке наведем покруче таз,
И мочалки, злые, как овчарки,
Яростно набросятся на нас.
А потом до самой поздней ночи
Пропоет и прогудит изба:
Что же вы, соколики-сыночки,
Заритесь на белые хлеба.
Может, вас деньга проворожила,
Улицы в асфальте и огне.
Али образованность отшибла
Память о родимой стороне?
И в который раз поймется с песней
То, что я вовеки не предам:
Солено —
 но лишь бы с ними вместе,
Тяжело —
 но только пополам.

НЕДОРОСТКИ

Рок зловещий,
Божья ли немилость —
А давно для мира не секрет:
Ничего из вас не получилось
Ни в осьмнадцать
И ни в тридцать лет.
Может, я кого-то обижаю,
Но всегда
И у народов всех
Юноши,
Не ставшие мужами,
Вызывали жалость
Или смех.
Мните о себе, что вы — персоны,
Голубая кровь,
Почти что — знать.
А ведь сами в общем
Не способны
Собственного краха осознать.
Хвастая дипломами своими,
Вспомните о клятвах на крови.
Где же ваши подвиги
Во имя
Родины,
Свободы
И любви?
Где они,
Высокие порывы,
Гордый дух,
Решительная стать?
Лопнули порывы,

Как наривы,
Даже неудобно вспоминать.
Вместо меди — пропитое золото,
Как возмездье — старость невдали.
Говорите:
Время виновато...
Молодцы, виновника нашли.
Нам перерастать любое время,
Чтоб ему указывать пути.
Вы ж до своего —
Дурное семя —
Даже не сумели дорасти.
Смех и жалость — все, что я имею
По закону нынешнего дня.
Я сегодня
Просто вас жалею.
Время
Досмеется
За меня.

* * *

Какое все-таки блаженство —
В траве, раскинувшись, лежать,
Ни словом суетным,
Ни жестом
Движенью жизни не мешать,
Когда, забыв о прежних муках,
Довольный всей своей судьбой,
Зеленый мир
В цветах и звуках
Стоит, как праздник, пред тобой.
Пускай в листве большого дуба,
Перебирая дни свои,
Как мужики,
свежо и грубо
О жизни судят воробыи.
И в ожиданье белой ночи
Благоухает белый сад.
Пускай кузнечики стрекочут,
Жуки навозные ворчат.
И не пугает слишком ныне
Средь неизбежных перемен,
Что смерть когда-то все отнимет
И ничего не даст взамен.
Пусть лучше думается смело,—
И прежде прочего всего,—
Что в жизни делается дело
Не без участья моего;
Что этот свет мне все дороже,
И я ищу все больших дел
Не потому, что стал моложе,
А потому, что не старел.

* * *

Рос брат мой жидким и тщедушным.
Не помогли столичные харчи.

И я подумал:

А на что бы лучше
Его деревней дальней полечить.
Я утерял тогда былое зренье,
Неясно различал черты деревни.
Но все-таки по долгу старшинства
Я добывал сметану и варенье
И лично заготавливал дрова.
На нас хозяйка наша тетка Таня
Неделю любовалась,
А потом,
Поняв мою систему воспитанья,
Ее перевернула кверху дном.
И брат стругать учился понемножку,
Снопы по снегу с поля вывозил
И ел, как все,
горячую картошку
И в сапожища чапал по грязи.
Не брезговал уже домашним квасом,
Садился без ужимочек к столу
И с бабкиным соломенным матрасом
Устраивался к ночи на полу.
Он к мужикам ходил,
уже в мальчишках
Пахавшим землю и валившим лес.
Ладони их,
как трудовые книжки,
Где каждая строка
Имеет вес.

Нет, все недаром:
обтиранья снегом
И чтенье с лампой в полутемноте...
Я понимал, шагая за телегой,
Что уезжаем мы уже не те.
Деревня одарила нас богато,
Как щедрая и честная родня:
Здоровьем несгибающимся —
брата,
И зреньем возвратившимся —
меня.

НАДЕЖДА

Светло и по-своему нежно
Родителем, жившим бедно,
Высокое имя Надежда
Тебе со значеньем дано.
А имя само,

терпеливо

Сквозь ветры столетья гребя,
Быть в мире суровом
Счастливой
Уже обязало тебя.
Ты девочкой, сидя прилежно
Над книгами долгие дни,
Давно оправдала надежды
И школы своей, и родни.
Но люди, что верят не в чудо,
А в добный характер и стать,
С годами все большего будут
Теперь от тебя ожидать.
Ведь сердцем народным удержан
Поверья далекого свет,
Что вещее слово «надежда»
С любовью и верой в родстве.
Готовясь к неделькам горячим,
Запомни, пойми и поверь,
Что личными быть неудачи
Твои перестали теперь.
И первым, уняв оробелость,
Утешит и выручит тот,
Кто рядом, светясь и надеясь,
Сегодня с тобою идет.

Идет с молодой и красивой,
Идет и не знает того,
Что рядом
надежда России,
А может —
и мира всего.

Я ДОМОЙ ПОГОСТИТЬ

Я домой — погостить.

Потянуло в родную обитель.

Не одни сапоги

измолол я в болотном краю.

Я домой — погостить.

Вы глядите, пижоны, глядите
На упругую, с легкой развалкой
лихую походку мою.

Я по городу шествую

в шапке и катанках рыжих,
Весь пропахший сосновой.

Излучаю березовый звон,
Шелест горьких осин...

Впрочем, где вам понять это?
Вы же

И траву-то видали

лишь запертой в пыльный газон.

Бам своих гардеробов

вдыхать нафталиновый запах,
Вам с тоскою смотреть в свое завтра,
как в мутную марь,

Вам не слышать вовек,

как, в еловых запутавшихся лапах,

Затрепещется вдруг

замечтавшийся, видно, глухарь.

Не ночевывать вам

ни в стогах, ни в суслонах на
поле,

Не встречать с петухами

с боков поддумяненный день

И по звучным стволам

под мужицкие шуточки с солью

Не звенеть топором,
рукавицы заткнув за ремень.
Потому глухоманью,
где некому выбрать бруски,
Мне дано это право:
с незлою душой мужика
На всегдашние ваши бега
и возню из-за модной
пластинки
Поглядеть снисходительно.
Даже чуть-чуть свысока.
А на сердце моем —
будто снова скворцы
прилетели.
Я иду широко
и бедовой не гну головы.
На отросшей моей бороде
неопавшие звезды метели
И влюбленные взоры мальчишек,
что будут умнее,
чем вы.

* * *

И снова в лесу, как в светлице.
Пылает в брусничниках мох,
Над озером ранние птицы
Катают жемчужный горох.
А дали озерные зыбки,
А чуткие воды чисты.
Трепещут, как светлые рыбки,
На ивах прибрежных листы.
Над всем озарившимся краем,
В полнеба янтарно горя,
Ликует, резвясь и играя,
Совсем молодая заря.
А осень вовсю хороводит,
В рассветные трубы трубит,
По чистому золоту ходит,
На золоте пляшет и спит.
Летят дорогие убранства
И с левой и с правой руки.

...На фоне такого богатства
Какие мы все бедняки...

* * *

Срубили юную березу,
Осиротили белый свет.
Понятно, ежели б —
На пользу,
И объяснимо, коль —
На вред.
А то ведь походя, небрежно,
Одним ударом топора...
И потеряли зори нежность,
И трепет —
Ранние утра.
И ни на грабли не прибрали,
Ни на завертки-костыли,
Ни на сапожные детали,
Ни — даже — в печке не сожгли.
О, боже святый, боже правый,
Как приучились мы грешить...
За что
И по какому праву
Не дали — маленькой — пожить?
К чему точить впустую слезы!..
Но, отстранясь от прочих дел,
Я посидел у той березы,
Как на могиле
Посидел...

* * *

Река работала, как лошадь,
В оглоблях тесных берегов.
Она несла такие ноши,
Что мыло падало с боков.
Косилась охровая осень
На вороную масть воды,
И, как несмазанные оси,
Скрипели грузные плоты.
Река пыхтела от натуги,
Но все же, гордая судьбой,
Мосты железные,
Как дуги,
Несла высоко над собой.
И плотогоны в кепках пегих,
Со лба стирая пот рукой,
Стояли,
Будто на телеге,
Расставив ноги широко.
Река несла свой жребий стойко
И продолжала трудный путь,
Мечтая в бухте,
Словно в стойле,
Хотя б часок
Передохнуть.

* * *

Ну вот она пришла, рябиновая осень,
Пришла, прошелестев походкой молодой.
Торжественно горят ряды высоких сосен
Над тихой, как во сне, озерною водой.

И нет не озаренных листьями оврагов
И не пропахших свежим яблоком ночей.
И словно никогда здесь не было варягов,
Не раздавалось их заносчивых речей.

Просторней стала даль,
И небо стало выше,
Над полем тишина стеклянная звучит.
Земля не помнит зла,
Земля любовью дышит,
И все не может нас
Тому же научить...

* * *

Доверчивым сердцем славянским
Беспечная стайка берез
Осеннюю щедрость и ласки
Опять принимает всерьез.
И бросив другие занятия,
С рассвета и вплоть дотемна
Березки
По вкусу и стати
Себе подбирают тона,
Счастливо шумят на опушке,
Красуясь у всех на виду,
Как будто забыли простушки,
Чем кончили
В прошлом году.

* * *

О, вера наших матерей,
Вовек не знающая меры,
Святая трепетная вера
В нас,
Подрастающих детей.
Ее, как свет в березняке,
Не вытравит ничто на свете:
Ни единицы в дневнике,
Ни злые жалобы соседей.
Уж матери такой народ —
Вздохнут,
Нас долгим взглядом смеря:
«Пусть перебесятся. Пройдет». —
И снова верят, верят, верят.
Так верят матери одни
Взыскательно и терпеливо.
И — некрикливы — они
Не почитают это дивом.
А просто нипочем года
Их вере, трепетной и нежной;
Вот только мы-то
Не всегда
Оправдываем
Их надежды.

ДЕКАБРЬСКАЯ КАПЕЛЬ

Так стыло на дворе,
Что лопались каменья...
Сосульки в декабре —
Почти как сновиденье.

Декабрь начался зло,
Неистово и грозно.
Но где-то есть тепло
В его душе морозной.

Но есть, видать, в крови
Подводные теченья,
Мучения любви
И слезы облегченья.

Поэтому встаю
И декабря не трушу.

А вновь и вновь
Твою
Оттаиваю душу...

* * *

В дни покоя и годы труда,
Что даруют судьба и Отчизна,
Ожидаема радость всегда,
Хоть всегда коротка
И капризна.

Встрепенусь,
Закружусь,
Засмеюсь:
Наконец-то!
И складно, и ладно!
Надоела вселенская грусть,
Как порой ни чиста,
Ни отрадна.

Радость высветит золотом даль.
С этим чувством ясней и беспечней.
Только верю я больше
В печаль,
Потому что она —
Долговечней...

ПЕТУХ

Один петух на всю деревню.
Горласт, норовист и удал.
Все утешенье бабки древней
И жизнь ее,
И капитал.

Он выйдет утром за ворота
Да зыкнет молодо в зенит —
На ожерелье
Позолота
Так, полыхнув, и зазвенит.
Пусть в городах свои порядки,
А здесь его устав — закон.
И потому к нему хохлатки
Так и летят со всех сторон.
Он зорко их пересчитает,
Хоть знает всех наперечет.
Порой за гребень потаскает,
Нравоучение прочтет.
Но всех сведет к своей посуде
Глонуть водички с утречка.
Для этой зернышко добудет,
А с той разделит
Червячка.

Потом взмахнет крылами резко,
По-молодецки вскинет бровь.
Но вот беда:
Подраться не с кем,
Поразогнать по жилам кровь.
Он прыгнет,
Дрыгнет,
Звякнет шпорой,

Покамест улочка тиха:
Ведь песня тракторная скоро
Заглушит песню
Петуха.
И он уйдет в свою ограду
И в лопухи утянет рать.
И бабка снова будет рада
Его пшеном побаловать.
Она тряхнет с крупой передник
И не впервые скажет вслух:
«Один петух
На всю деревню...
Один.
Зато какой петух!»

* * *

Не найду я защитного средства,
Чтоб, избавив от лишних тревог,
Словно поезд, мелькнувшее детство
Не вбивало мне в спину гудок;
Чтоб под звездами, невозвратимо
Яркий свет пронося на весу,
Оседающим угольным дымом
По ночам не щипало в носу.
Не скрываю поэтому зависть
К воркотне голубиных годов.
Поджиная,
Люблю и пугаюсь
В детство мчащихся поездов.
Вновь по памяти солнечным рельсам
Унесут они в мир золотой,
Чтобы я, просияв, отогрелся
У костров восхищенности той.
По горушкам веселья полазал,
Овеаем цветочной пыльцой,
Набродился по ельникам сказок,
В речке ясности вымыл лицо,
Чтобы после
Средь блеска и шума,
Средь довольства, торжеств и похвал
По наивности
Я не подумал,
Будто лучше
Вовек не живал.

* * *

Мне шумные праздники в тягость,
Знаком остающийся след:
В конечном итоге —
Усталость
И будничный привкус сует.
Зато, окунаясь в заботы,
Что мне — как живая вода,
Обыденность
грубой работы
Я праздником делал всегда.
И камни рубая вразмашку,
Порой выбиваясь из сил,
Я солено,
Потно
И тяжко
И все-таки
празднично жил.

БАЛЛАДА О ВОРОБЬЕ

Сказать с уверенностью трудно,
Как, средь кочующих зыбей,
В промозглой мгле
Попал на судно
Почти пропавший воробей.
Корабль кренило и качало,
С подвывом
Близилась гроза.
А воробей упал устало
На брусья
И закрыл глаза.
Где, непутевого, носило,
В какой втянуло крутомол?
Он отышался
И насилиу
Дух,
Словно грузчик,
Перевел.
Потом с трудом расклеил веки,
Взглянул, беспомощен и тих:
Над ним склонились
Человеки...
И понял,
Что среди своих.
А там —
не очень голосисто,
Набравшись храбрости и сил,
Он поприветствовал туристов
И хлебных крошек
Попросил.

Как вдохновителю России,
Что разделял с ней столько бед,
Мы на корму ему носили,
Делясь,
И завтрак, и обед.
Но понимали,
Что серьезно
Не принимая нас в расчет,
Он людям —

рано или поздно —

Своих собратьев
Предпочтет.

Благодаря за все подачки,
За плов, рагу и курагу,
Он проклянет морские качки,
Смекнет приют

На берегу.

И правда:

Серенький,
Простецкий,
Не заводя нигде боев,
Он погостили

И у турецких,
И у мальтийских
Воробьев.

Но где бы ни пил воды зеркальной,
Не выпускал из виду порт.

Заслышав наш гудок отвальный —
Немедля прибывал
На борт.

Он предавался, может, пьянству,
Амуры, может быть, крутил...
А вот советскому гражданству —
Бог подтвердит! —
Не изменил.
И все — один —

Сидел на мачте,
Отворотясь от прочих дел,
Худой,
Взъерошенный
И мрачный
И в даль сокрытую глядел,
До срока сдерживая нервы,
Утихомиравая пыл...
И разглядел Россию
Первым,
И нам об этом
Возвестил.
Затрепетал,
Засуетился,
Родной почувствовав причал,
Вздордился,
Трелями залился,
Не вынес больше —
И умчал.
Туда, туда, где плачут ивы,
Где выются сладкие дымы,
Куда — пока честны и живы —
Стремимся
Каждой клеткой
Мы.

* * *

Вновь у меня кружится голова,
Распахнуты глаза от удивленья,
И я ловлю, как бабочек, слова,
Что спят на чутких стеблях вдохновенья.
Я к ним Крадусь,
 не шелохнув листа
И нетерпенье сдерживая еле,
Я к ним Крадусь,
 на цыпочки привстав
И сняв ботинки,
 чтобы не скрипели...
И вот одна,
 которая нужна,
Как русской песне удалъ и кручина,
Я чувствую, как празднична она,
Хотя пока и смутно различима.
К ней тянется уже моя рука.
Я больше в мире ничего не вижу.
Рывок.
В ладони влажный хруст цветка,
А бабочка
 взвивается все выше.

ОЛЕНЬКА

Словно спела горлинка,
Словно встала зоренька,
Словно веткой голенькой
Вздрогнула весна.
Это, ахнув тоненько,
Обернулась Оленька,
Словно колоколенка
Белая, стройна.

Обернулась Олюшка,
Золотое солнышко,
Золотое солнышко,
Боль моя и грусть.
Стоит только встретиться
С ней, моей ровесницей,—
Вроде ясным месяцем
Сам я становлюсь.

Вспоминали ладушки,
Ели суп у бабушки
И пекли оладушки
На большом огне.
И сидела Оленька
За тесовым столиком,
И просилась в горенку
Звездочка в окне.

Намекал я вежливо,
Что один по-прежнему:
Некому для грешного
Протопить избу.
Но другого Оленька
Помнила соколика,
Что ушел с топориком
Попытать судьбу.

Снова от поношенных
Ситцевых горошинок
Молча, одиношенек
Уходил я прочь.
И все та же девушка,
Проводив до бережка,
Не могла соседушке
Чем-нибудь помочь.

* * *

Я не видал тебя еще ни разу,
И все же рад, хотя бы потому,
Что ты доступна,
если уж не глазу,
То хоть воображенью моему.
Я часто вижу

это мне не снится —

Тебя с нарядной сумочкой в руке,
Твои густые чуткие ресницы
И ссадинку на левом локотке.
Вот ты идешь свободно и небрежно
По золотой дорожке сентября,
И копится во мне тепло и нежность,
Чтобы однажды захлестнуть тебя.

...Но я один.

И пусто в доме чистом.

Над городом прогрохала гроза.

Ты ходишь где-то очень-очень близко,
Лишь мне не попадаясь на глаза.

Насторожен,

Как рыночных картинок,
Я берегусь пустых бесстрастных лиц
И ухожу тихонько с вечеринок
От слишком разговорчивых девиц.
Я жду тебя,

мальчишески возвышен,

И так любовь чиста в моей груди,
Что ты меня

не можешь не услышать,

Что ты ко мне

не можешь не прийти.

* * *

Словно счастье и муку,
Словно радость и боль
Я беру твою руку
И иду за тобой.
Ты вместила всю землю
Для меня навсегда.
Ты и горькое зелье,
И живая вода.
Мне страдать и надеяться,
Верить новой весне.
Ты как речка из детства,
Ты как родина мне.
В этом стираном ситце,
Что расцвел на тебе,
С лепестком медуницы
На капризной губе.
То добра и беспечна,
То крута и строга,
Не во всем безупречна,
Но всегда
дорога.

* * *

Пока звезда не закатилась,
Что озарила наши дни,
Перемени свой гнев на милость,
На милость гнев перемени.
Чтоб, золотые от рожденья,
Улыбкой неба и земли
Над полосою отчужденья
Цветы согласия взошли.
Не закружу раслевом бойким,
Швыряя под ноги рубли,
Что унесу тебя на тройке,
На тройке счастья и любви.
Но, зная преданности цену,
Судьбу рассветную твою
И в ситец радости одену
И хмелем нежности увью.
Признаю все, что делал плохо,
Свои поступки осужу
И до раскаянного вздоха
Гармонь лихую осажу.
Но только, чтобы вновь светилась
Звезда, как в памятные дни,
Перемени свой гнев на милость,
На милость гнев перемени.

* * *

Опять нашла коса на камень,
Вновь искры брызнули в траву.

Но это делалось веками...

Так что ж я
Чуть ли не реву?

А то, что здесь
Моя прописка —
Не в полутеми вековой.
И тут
Все больно,
Тут
Все близко:
Коса — моя,
А камень — твой...

* * *

Не прощу ни себе, ни тебе...
Где мы были
И с кем мы скучали?
Столько боли
Скопилось в судьбе,
Столько в ней
Наслоилось печали...
Отчего примирялась душа
И кружила по ложному кругу?
Почему,
Запаленно дыша,
Мы не рвались
Навстречу друг другу?
Почему, почему, почему...
По какой бестолковой причине
Горько падают звезды
Во тьму
И навек пропадают
В пучине?
Не умеем признать и понять,
И ломаем в отчаянье руки.
И преступно миримся опять
С неизбежностью
Новой разлуки...

* * *

Все в этой женщинае прекрасно:
И лоб, откинутый назад,
И перелив певучих гласных,
И взгляд,
И весь ее наряд.
Так независима осанка
Под ливнем солнечных лучей,
Так неожиданна
Изнанка
Ее улыбок
И речей.
Она пройдет — как отуманит,
Освободит от всех невзгод,
Развеселится —
Солнце встанет,
А загрустит —
Огонь замрет.
То холодна,
То безрассудна,
Созвучна сердцу
И уму...
И вроде каждому доступна —
И недоступна
Никому.

ДОБИЛСЯ

Летним утром подойду,
как в бреду:
«Весь я, видишь, как в аду,—
на виду».

Поведет своим ленивым
плечом:
«Ну а я-то тут, однако,
при чем?»

Поздним вечером найду
на пруду,
Словно яблоко в саду,
упаду.

Повернусь лицом к луне —
весь в огне:
«Ну а что ты скажешь мне
при луне?»

Навертил на палец тонкую
нить:
«А чего тут, не пойму,
говорить».

Не сдержусь, раскипячусь,
как свинец,
Чтоб все разом разрешить
наконец:

«Ты, кудрявая, смотри
не мудри.
Не мудри, а что внутри,
говори.

И признается, приперта
к стене:
«Без луны и при луне —
не по мне».

ПОСЛЕ БУРИ

Покой вернулся в мир...
А нам
Что остается в утешенье?
Нам,
Двум скрипучим кораблям,
Попавшим в кораблекрушенье...
Не то ль, что светлого числа,
Взметнув шутя
Ветра лихие,
Нас чуть не в щепки
Разнесла
И этим сблизила
Стихия?
Теперь
Дорогою одной,
Чужды тщеславия и гонки,
Плынут под солнцем и луной
Великолепные обломки.
И есть торжественная грусть,
А может, высшая отрада:
Разбиты пусть,
Убоги пусть,
Ненужны пусть,
А все же — рядом...

* * *

Можно все еще вернуть,
Можно все еще уладить.
Только ласково взглянуть,
По головушке погладить.

Но в глазах,
В словах литых
Нет ни боли, ни печали:
Мы для нежностей таких
Слишком грамотными стали.

Вдруг да броситься на грудь...
И чего, скажите, ради?
Вдруг да ласково взглянуть,
По головушке погладить...

НАЧЕКУ

Снова намутили,
Наболтали,
Всяческих навешали собак...
Так пожить хотелось
Без баталий,
Да не получается никак.
Поднимаюсь медленно со стула,
Прохожу неспешно вдоль стены,
Чувствуя спиной,
Как ваши дула
Твердо
На меня наведены.
И со всем
Природой данным пылом
Принимаю к действию сигнал:
«Это кто там нас
Российским быдлом
Тихо,
Но старательно назвал?»
Супостаты!
Вы всегда при деле,
Да и нам постыдно забывать:
Мы ведь только внешних
Одолели,
Внутренние
Выжили опять.
Знаю,
Как, мозгами поработав,
Вы в своем коронном
Тайном сне
Нас,
Неисправимых патриотов,

Жарите на медленном огне...
Неспроста,
Боясь разоблачений,
Зря не подставляя головы,
Блоками бетонных изречений
Забаррикадировались вы.
Презираю ваши баррикады,
Выхожу на линию огня.

...Я давно не жду от вас пощады,
Но и вы не ждите от меня...

* * *

В годину бурь и тяжкого раздора,
В лихие дни глухого забытья
Ты мне одна и вера, и опора,
Земля неотторжимая моя.

Согнет недуг,
Навалится усталость,
Уйдут друзья, опять пересоля,—
Я помню:
У меня еще осталась
Родимая
Любимая земля.

Она утешит —
 я же здесь родился,
Она поймет —
 как бы я ни был мал,
Как высоко бы я ни возносился
И как бы низко после ни упал.

И потому под зноем и снегами,
На доброй почве правя бытиё,
Хочу всегда
Обеими ногами
Стоять на ней
И чувствовать ее.

И пусть она помнет и поломает,
Но лишь бы не отвергла в крайний срок.
Кто жил землей,

 тот знает,
 что бывает,

Когда она
 уходит из-под ног...

* * *

По лесам и по горам,
По снегам и росам,
По оставшимся борам
И былым покосам
С полным коробом волнух
И глазами впросинь
Ходит-бродит русский дух
Меж берез и сосен.

Он приветствует восход,
Добрую погоду.
Золотых цветов не мнет
И не мутит воду.
Лишь аукнется вдали
Да в листве взыграет.
Видно, снова от земли
Силу набирает.

И опять летят в веках,
Яростны в погоне,
Молодые,
В яблоках,
Боевые кони.
Заметает белый снег.
Под копыта сбитых.

Не спускает Русь вовек
Недругам обиды.

А потом
На весь простор,
Собирая силы,
Крячет плотницкий топор,
Подпевают пилы,
И жужжит ручная дрель —
Тоже тянет ноту...

Может
Русская артель
Всякую работу!

И потом уже,
Потом,
Покурив в усаду,
Забираются гуртом
Мастера в ограду.
Стекла в избах дребезжат,
Лист на ветках вянет...

Это пять часов подряд
Парятся славяне.

И сегодня впору нам
Бремя древней славы.
Понесутся по волнам
Струги величавы.
И распустится хвоя,
Прянув к поднебесью...

Только родина моя
Так украсит песню.

Затрещит на речке лед,
Заскрипят сушкины,
Шапка снегу упадет
С кедровой вершины.
Покачнутся терема,
Засвистят салазки...

Это русская зима
Складывает сказки.

Право слово, не берусь
Ложкой черпать море.
Но люблю родную Русь
В радости и в горе.
И понять непросто мне:
Как же так бывало —
Все святое
В стороне
От тебя стояло.

Не порхали снегири,
Даль не золотилась...

И судьбу благодари,
Что явила милость,

Что однажды
Так светло
И с такою силой
Это все в тебя вошло
И—
Преобразило!

НАСЛЕДНИК

Всерьез озабочен,
Один на один
О чем-то лопочет
Единственный сын.
«Серебряный ларчик»,
«Трава-мурава...»
Какие мой мальчик
Находит слова!
Боюсь не огласки,
Пугаюсь прикрас:
Рассказывать сказки
Я не был горазд.
Но раннюю душу
Я не омрачил:
Их помнить,
Их слушать,
Им верить учили.
Бесчинствует время,
Свирепствует зло...
Но доброе семя
Уже проросло!
И можно,
Не старясь,
Закончить пути:
И сладко растаять,
И тихо уйти.
Конечно, не праздник...
Но все же
Под снег
Уйти без боязни,

Поскольку навек
Завещано сыну
Любить и беречь
И мать-Россию,
И русскую речь.

* * *

Прекрасно однажды в России родиться
Под утренний звон золотого овса!
Твое появление приветствуют птицы,
Сверкают, на солнце искрясь, небеса.
Пока, озабочены снами твоими,
Ромашки гадают о новой судьбе
И ветром достойное ищется имя —
Кукушка пророчит бессмертье тебе.
Еще и усы не подкручивал колос —
Уже для тебя начались чудеса:
Тебе ручеек предлагает свой голос,
А лен зацветающий дарит глаза.
Свой смех — колокольчик,
Роса — свои слезы,
Прическу — густая, волнистая рожь,
И статность тебе обещает береза:
Когда пожелаешь,
Тогда и возьмешь.
Спешит к тебе каждый с особенным

даром:

Бери, примеряй, запасайся, владей.
А плата... какая?
Расти благодарным
Да будь всюду верным
Природе своей.

ПАМЯТЬ О РОДИНЕ

«Прекрасно однажды в России родиться...»
Какая просторная строка! Она возникла в глубине души легко, естественно и сказалась вслух, слетела с губ просто и нежно. И стала жить.

В Викторе Коротаеве кипят богатые силы родной земли. Самое значительное в его поэзии — огневая публицистичность во имя России нынешней и будущей. Он понимает, что Родина наша в минувшие века была такой, какими были наши предки. Ныне она такая, какие сегодня мы сами. Завтра станет такой, какими будут наши потомки. В повседневности своей об этом мы, к сожалению, мало размышляем, а то и вовсе не думаем. Лишь в часы особых душевных волнений вдруг вспоминаем, кто мы и откуда. Поэзия Виктора Коротаева как раз и будит в человеке именно такие воспоминания о себе.

Мне могут заметить, дескать, совсем молодому человеку еще не о чем вспоминать. Неправда. Самой природой в каждом из нас изначально уже заложена память о Родине. Напрягитесь — и вы вспомните себя очень маленького, и рядом что-то такое, вроде бы совсем обычное: солнышко в окне, столбик крылечка, лужайку в желтых цветах, материнскую ладонь над собой — да мало ли что, но обязательно — свое и очень родное. А потом, когда человек подрастает, иногда ему кажется, что он на земле уже давным-давно, и все, что его окружает, уже когда-то видел — то ли в снах, то ли в слышанных сказках, то ли в прочитанных книжках. Это опять в нем тревожится, стучится память о Родине. Ее, конечно, можно затормозить, а то и совсем погасить — тогда в жизнь вступает человек с глухой скучной душой, для которого не существует святых понятий гражданства. А человек без сыновних понятий о Родине — что лодка без весел.

Первая книга Виктора Коротаева «Экзамен» вышла двадцать лет назад. В ней по-юношески запальчиво и была выражена самая первая его дума о Родине, был переброшен начальный мостик от крепостных крестьян к нам.

...Им наша Русь
Из дальней дали
Светила светом молодым.

И коль они
за ту стояли,
То мы
за эту постоим!

Не гордыня — а гордость, не красноречие — а красноречие, не соответственность моде — а ответственность в жизни — вот что движет пером Виктора Коротаева, когда он размышляет о долгом пути, пройденном нашим народом. Эта дума, конечно, всеобщая и долгая, как сам путь, но у каждого поэта она просвещена своим особым светом. Для подтверждения своей мысли попытаюсь кратко сравнить близких мне — и по землячеству, и по дружбе — трех поэтов.

Николай Рубцов смотрел на Русь с курганных холмов, по которым неспешно текла тысячелетняя дорога. Она текла из минувшего в предстоящее, но на загадочных поворотах минувшее иногда, как ни странно, опять оказывалось впереди, опять мерцало, уже в зарницах предстоящего. Рубцовская дорога — это само время. И он писал виды России, перераставшие в видения. С холмов обзор велик. Николай Рубцов умел улавливать Русь одновременно в триединой связи: Отечество (ржаное поле) и Вселенная (ночная звезда), миг (материнский облик) и вечность (твердыни Московского Кремля), человек (огонек в русской избе) и природа (поникшие под косой цветы — анюти-

ны глазки). Это было философское восприятие судьбы Родины и самого человека через тончайшую лирику, в которой подробности не обязательны.

Ольга Фокина, наоборот, создает удивительный мир подробностей, из которых постепенно возникает разноголосый, яркий, хороводный, но единый образ ее Родины, ее России! Стихи, как чистые речки, где со дна просвечивают камушки; строки, как вытаявшие из-под снега зеленые озимники; поэмы, как деревенские улицы, где в любом доме — свои люди, свои горести и радости, но единая мера пережитого и, что важнее всего, мера совестливого суда человеческих поступков и путей в жизнь. Это нравственное восприятие нынешней России строгим крестьянским взглядом и точным народным словом.

Виктор Коротаев, чувствуя в крови свою родословную,— а дед был, как всегда на Руси, и хлебопашцем и солдатом,— унаследовал более всего дух боевого размаха. Многие стихи звенят у него, как ратоборческие щиты. Примечательно, что за два десятилетия после «Экзамена» (а книг уже вышло много) его самая первая дума о Родине не претерпела в сути своей изменений, а обрела лишь более широкие просторы и краски.

Счастлив я в своем добре и худе,
Потому что — с маковкой Кремля —

У меня была и есть, и будет
Издавна родимая земля.
Вот она, моя березка детства,
Вот мои луга, река и лес,
Век смотри — и все не наглядеться,
Век живи — и все не надоест.
... Но придет нужда родному краю
Собирать сынов в стальную рать,
Я, по крайней мере, знал и знаю,
За какую землю умирать.

Это сказано по-воински, с тем накалом и значением, когда чувство долга воспламеняется до поэзии, подобной трепету отечественного флага. В наше тревожное время такая душевная собранность дороже всего. Свою патриотическую линию, проведенную для себя четким взглядом, поэт держит крепко и надежно.

По натуре своей он более всего склонен к действию. Даже в минуты, когда душа вдруг замрет от увиденного, как бы растворясь в воздухе родины, взгляд все равно летит за горизонт мысль, опять ищет дела, вывода, заключения.

Какая даль лежала предо мной...
Я, чувствуя причастность к ней и гордость,
Смотрел в нее и знал, что за спиной
Не менее прекрасная простерлась...

Это не просто созерцание осеннего русского простора в золотом убранстве лесов, с древним белым храмом вдалеке, но простор времени, даль веков, откуда навевает раздумьем.

Пока мы эту землю не поймем,
Нам до конца в себе не разобраться...

Виктор Коротаев видит облик родной земли в движении: наплывают одна за другой в чем-то похожие, но всегда тревожные картины природы, лица встречных людей, памятники народной скорби, приметы мастеровитого труда, череда солдатских будней, удалые порывы к дружбе и любви — ото всего улавливается свой отзвук и отблеск, чтобы высечь «золотую молнию строки», чтобы самому понять «что в жизни делается дело не без участья моего». Поэтому стихи возникают, как доверительные признания, как выплеск души собеседнику или попутчику в долгой и нелегкой дороге жизни. Стихи Виктора Коротаева чаще всего от первого лица, это он сам, а не подставной лирический герой, который не стесняется своей распахнутости, откровенности, исповедальности, подчас по-мужски грубоватой или даже невыгодной для самого в глазах других — лишь бы сказанное было искренним.

Поэт уже многое пережил, повидал не только всю страну до Владивостока, но и чужие края, которые «хоть и захватывали дух», но «самой ду-

ши не задевали», и бесповоротно понял, что тоска «по белостольному простору» — это и есть в нем самом неизменный голос России. И он опять летит на этот зов, опять в дороге, в милых сердцу местах,— на Сухоне или Шексне,— и лишний раз утверждается, что

...только здесь,
Где даль растворена,
Дано почувствовать душою,
Как эта маленькая родина
Соединяется с большою.

С крыльца своего дома видеть всю нашу огромную Родину — такое зрение может дать человеку только поэзия. И Виктор Коротаев, хорошо зная это, стремится наполнить свои строки едством и простором Отечества.

Александр Романов

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции. Беседа шестая	5
Русь	9
«Какая даль лежала предо мной...»	10
Жребий	11
«Затосковал по малой родине...»	12
«Тихий вечер, медленный закат...»	14
Родное	15
Россия	16
«Спасибо, Родина, за эту...»	18
«С Отчизной, с милою землей...»	19
Братские могилы	20
«Я опасался слов высоких...»	21
Курс молодого бойца	22
Солдатская шутка	24
«Мы моем пол и помним о порядке...»	25
«За тяжкий груз шинели серой...»	26
«Нынче снова дождь хлестал по окнам...»	28
«Средина жизни. Середина дня...»	29

«Как бы собравшись вдруг в иные страны...»	30
«Больше не участвую в парадах...»	31
«Счастлив я в своем добре и худе...»	34
«Было чувство тревожным и сильным...»	35
Гонка	37
Ребята приходят с работы	39
Мальчишки из далеких деревень	41
Приезжие	43
В подшефном колхозе	44
«Музыка льется с небес...»	46
«Лишь петухи стряхнули сон да...»	47
«Вот и снова я в родной стихии...»	48
Недорости	50
«Какое все-таки блаженство...»	52
«Рос брат мой жидким и тщедушным...»	53
Надежда	55
Я домой погостить	57
«И снова в лесу, как в светлице...»	59
«Срубили юную березу...»	60
«Река работала, как лошадь...»	61
«Ну вот она пришла, рябиновая осень...»	62
«Доверчивым сердцем славянским...»	63
«О, вера наших матерей...»	65
Декабрьская капель	66
«В дни покоя и годы труда...»	67
Петух	68
«Не найду я защитного средства...»	70
«Мне шумные праздники в тягость...»	71

Баллада о воробье	72
«Вновь у меня кружится голова...»	75
Оленька	76
«Я не видал тебя еще ни разу...»	78
«Словно счастье и муку...»	79
«Пока звезда не закатилась...»	80
«Опять нашла коса на камень...»	81
«Не прощу ни себе, ни тебе...»	83
«Все в этой женщине прекрасно...»	84
Добился	85
После бури	86
«Можно все еще вернуть...»	87
Начеку	88
«В годину бурь и тяжкого раздора...»	90
«По лесам и по горам...»	92
Наследник	96
«Прекрасно однажды в России родиться...»	98
Память о Родине. Послесловие А. Романова	99